

Все минется, а правда останется

К 75-летию Василя Быкова

“Запомните это имя, оно еще встретится вам!” — пророчески взывал Григорий Бакланов, размышляя не столько о голосе героя “Третьей ракеты”, сколько о сливавшемся с ним голосе писателя-дебютанта.

“Третья ракета” — не первая повесть Валили Быкова. Но первая, напечатанная в русском переводе. По прошествии почти сорока лет ее название звучит символично: публикация в “Дружбе народов” стала той стремительной ракетой, которая вывела на литературный небосклон второй половины XX века — одно из самых ярких писательских имен.

В тяжкую осень 1941 года, когда немецкая броня, пройдя Белоруссию, оставив позади себя Смоленщину, окружив Ленинград плотным блокадным кольцом, вышла на ближайшие подступы к Москве, Василий Гроссман зафиксировал в записной книжке: “Просматривали комплект фронтовой газеты. В передовой статье вычитал такую фразу: “Сильно потрепанный враг продолжал трусливо наступать”. Не такой ли взгляд на войну и кровопролитную цену победы над гитлеровским фашизмом воцарился потом в литературных поделках, какие с пылу-жару пекли бубенцовы-первенцевы, стадно выгапывающая вокруг себя талантливые? Или не прорывом ли нетерпимой для них правды явилась повесть Виктора Некрасова “В окопах Сталинграда”? Переиначая хрестоматийную метафору прошлого века и перенося ее в век нынешний, справедливо будет признать, что наша лучшая военная проза, пережившая на “оттепельном” рубеже 50 — 60-х годов второе рождение, вышла из широкого некрасовского рукава.

Василь Быков не только не оторкался от такой своей родословной, но никогда не забывал о ней. В 1975 году на Всесоюзной конференции писателей и критиков в Минске, посвященной 30-летию Победы в Отечественной войне,

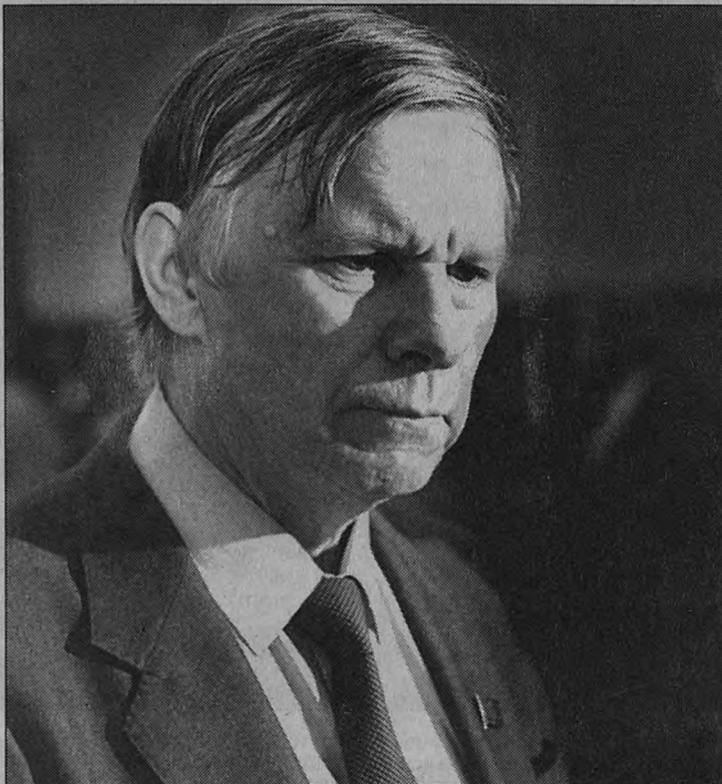

ФОТО В. МИСЦЕВА

он был единственным, кто отважился назвать Виктора Некрасова открыто и громко с трибуны. Помню, как иные участники конференции — таких сыскалось немного — ответили на nepозволительную дерзость одобрительным “оживлением в зале”. Большинство послушно окаменели. Президиум мрачно, грозно напустился. А высокопоставленный цзковец, дождавшись, когда Василь Быков закончит выступление, вчинил послушнику втык за идеологическую диверсию.

Сколько таких втыков принял на себя Василь Быков на долгом писательском веку! Самый сокрушительным, но так и не сокрушившим была “партийная критика”, переросшая вскоре в неприкрытую травлю, повести “Мертвым не

больно” и последовавших за нею повестей “Атака с ходу”, “Круглянский мост”. Каждая порывалась через цензуру с боем, а после журнальной публикации ждала издания книгой одна 23 года, другая 18, третья 11 лет. “Мертвым не больно” мстительно выкидывали и из русского четырехтомника избранного, и даже из белорусского, рекламированного как собрание сочинений. Еще бы не выкидывать, если эта повесть, как “прямо и бескомпромиссно” припечатала бдительная “Правда” и самого Василя Быкова, и ненавистный ей “Новый мир” — “неудача автора”, закономерное “следствие серьезных идейно-эстетических просчетов писателя”. Нужно ли разъяснять, что значило в пору развитого социализма с его откатом к стали-

нистскому реваншу написать идейно порочное произведение? История литературы, называвшейся советской, полна удручающих ответов на этот вопрос. Один из многих принадлежит как раз Василю Быкову, вспоминавшему, как он, “ослепленный и растерзанный, готов был потерять в громыхани критических залпов” творческие ориентиры. И как знать, не потерял ли бы без мудрой поддержки Твардовского, ободрившего в письме: “Все минется, а правда останется”?

С годами и десятилетиями правда, постигаемая Василем Быковым, становится все объемнее и масштабнее. И воплощается как правда не одной войны, к которой возвращают нас повести “В тумане”, “Стужа”. Это и правда раскрестянной деревни, которая вконец разорена коллективизацией, обрушившей на народ “антикулацкий” молох “обострившейся” классовой борьбы (“Знак беды”). И запредная до недавнего времени правда Белорусской Народной Республики, просуществовавшей как национально независимое государство всего несколько месяцев 1918 года (“На черных ядах”). Жуткая правда Куропат, ставших засекреченной братской могилкой тысяч и тысяч людей, выкошенных сталинским террором (“Перед концом”). Правда нынешней расхристанной жизни, то и дело вылетающей в трубу (“Труба”). И жестокая правда Чернобыля, чернобыльской зоны в новой повести “Волчья яма”, публикация которой ожидается в ближайшем номере “Дружбы народов”.

Давным-давно сказано: “Бой идет святой и правый, // Смертный бой не ради славы, // Ради жизни на земле”. Геройски выдержав бой за жизнь как мужественный солдат Отечественной войны, Василь Быков честно, совестливо продолжает неуступчивый бой за правду как писатель.

Да, она действительно остается. Но все, увы, не минулось. Пи-

сатель, истинно народный не по почетному званию, а по читательскому признанию как в родной Белоруссии, так и в ее ближнем и дальнем зарубежье, опять неугоден власти, снова в опале. И былой погромщик, шумно обличавший Василя Быкова с высоты вельможного кресла заместителя заведующего отдела пропаганды ЦК КПСС, ныне клеймит писателя как советник белорусского президента. Его культуртрегерским пером Василь Быков занесен в черную книгу “так называемых “шестидесятников”, которые поставили своей целью методичное разрушение великой советской страны и советского общественного строя. Это была классическая “пятая колонна” либерально-коммунистического окраса, которую исподволь, опосредованно и напрямую прибирали к рукам опытные технологи западных служб, вербуя из их рядов “агентов влияния, платных и добровольных осведомителей, журналистское лобби”.

Цитировать дальше многополосную гнусность Владимира Северука, триумфально обнародованную недавно в белорусской газете “Республика”? Противно. Но она ясной ясно объясняет, почему писатель принял предложенную ему стипендию Международного ПЕН-клуба и на полтора года уехал в Хельсинки. Пусть же дойдут до “финских хладных скал” наши приветствия и поздравления ему в связи с 75-летием.

Между прочим, не Финляндии бы протягивать руку бескорыстной, благородной помощи, а России. Ведь проза Василя Быкова, оставаясь национальным достоянием белорусской литературы, органична и литературе русской. Это в природе подлинного писательского таланта как явления мировой культуры...

Валентин ОСКОЦКИЙ